

УДК 796

Была ли в истории культуры России эпоха «русского Ренессанса»?

В.Л. Кургузов

Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления, ул. Ключевская 40в, Улан-Удэ, Республика Бурятия, Россия
vlkurguzov@rambler.ru
Статья поступила 28.10.2014, принята 9.12.2014

В статье анализируется малоизученная, в большей степени дискуссионная в культурологии, философии культуры и искусствоведении научная проблема о наличии в истории России периода ренессанса. Весь пафос статьи и доказательная база свидетельствуют о том, что, с точки зрения автора, Россия все же пережила свою самобытную историю Возрождения.

Ключевые слова: Россия, культура, история, религия, искусство, литература, Ренессанс, Возрождение.

Was the era of Russian Renaissance in the history of Russian culture?

V.L. Kurguzov

East Siberia State University of Technology and Management; 40V, Kluchevskaya St., Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia
vlkurguzov@rambler.ru
Received 28.10.2014, accepted 9.12.2014

The article analyzes poorly studied and in a greater degree a debating point in cultural studies, philosophy of culture and art a scientific problem concerning the existence of the Renaissance in the history of Russia. All the spirit of the article and an evidence basis suggest that, according to the author's opinion, Russia experienced its original history of the Renaissance.

Key words: Russia, culture, history, religion, art, literature, Renaissance.

Россия — страна с непредсказуемым прошлым.
NN

Наша история идет по нашему календарю:
в каждый век отстаем от мира на сутки.
В. Ключевский

Прежде чем приступить к освещению сложной и достаточно дискуссионной проблемы, заявленной в заглавии статьи, следует сделать несколько пояснений и замечаний.

С кем бы я ни заводил речь о вероятности в нашей стране «эпохи Возрождения» или «русского Ренессанса», даже самые именитые современные российские философы

культуры и ведущие культурологи однозначно переспрашивают: «Да был ли мальчик?». По мнению одного из патриархов отечественной философии культуры, моего учителя В.М. Межуева, которое он не раз выражал в своих выступлениях, «эпохи Ренессанса в России, к сожалению, вообще не было». И это, с его точки зрения, негативным образом отразилось на ценностных основаниях и темпах развития отечественной культуры, порождая постоянное «запаздывание» российской истории, когда что-то прогрессивное сначала рождалось на Западе (там-то Ренессанс, безусловно, был) и только спустя некоторое время начинало проявлять себя в России.

Все знают, что одной из важных характеристик эпохи европейского Возрождения является утверждение идеологии *гуманизма*. Что касается России, то наш отечественный философ Н.А. Бердяев полагал, что у нас гуманизм отсутствовал полностью. Он не раз отмечал, что из всех писателей и поэтов России к гуманистам можно отнести, пожалуй, только Пушкина, да и то — с известными оговорками. Все же другие писатели и поэты — Карамзин, Некрасов, Лесков, Достоевский, Чехов — пытались защищать «маленького человека», «сырых и убогих», а для истинного гуманизма «маленьких людей» не бывает. Для гуманизма есть просто Его Величество Человек.

Между тем советский академик Конрад обнаружил гуманизм даже у китайцев, а у русских, выходит, его «не было вообще». Странно как-то...

И хотя, на первый взгляд, приведенные выше аргументы наших мыслителей выглядят довольно убедительно, они все же порождают во мне какое-то чувство неудовлетворенности и сомнения. Более того, я, честно говоря, не очень доверяю любым ригористическим утверждениям, считаю, что они никогда не приближают человека к истине, а, наоборот, удаляют ее. Это в полной мере относится и к нашей проблеме о вероятности эпохи «русского Ренессанса» в истории культуры России.

В самом начале дальнейших рассуждений на эту тему, наверное, надо представить хотя бы «визитную карточку» сущности феномена европейского Возрождения.

Эпоха Возрождения (Ренессанс) началась в Италии примерно в середине XIV в. В XVI–XVII вв. Возрождение приходит в другие страны Европы, но в каждой европейской стране оно протекает в своих временных рамках и по-своему. Условно концом этой эпохи и началом Нового времени многие исследователи считают первую английскую революцию, которая произошла в 40-е гг. XVII в.

Начало Возрождения обычно связывают с творчеством Петрарки и Боккаччо, т. е. с деятельностью поэтов и писателей. Уже в творчестве Данте начинает звучать неприкрытый интерес к античной культуре, который становится доминантой в культуре Возрождения. Однако общим для культуры Ренессанса во всех странах является не только интерес к античности, но и, как уже было сказано выше, появление особого мировоззрения и образа жизни, получивших название *гуманизм*; формирование нового типа личности — так называемого «ренессансного человека».

Выдающиеся личности Ренессанса отличаются *титанизмом*, ибо каждый из них совершает за свою жизнь такое, что не под силу многим, и *универсализмом*. Практически все творцы этой эпохи реализуют себя сразу в нескольких областях, как непревзойденный пример универсализма Леонардо да Винчи — художник, скульптор, архитектор, инженер, ученый...

В этот период меняется само представление о человеке: он теперь не «сосуд греха», как считалось в Средневековье, но прежде всего — «венец творения», созданный по образу и подобию Бога. Акцент делается на то, что все существующее — и природа, и человек — есть создания Божьи и как таковые обладают красотой и совершенством, достойными восхищения и любви.

Чтобы приблизиться к Богу, теперь не надо уходить в пустыню и предаваться подвигам аскезы, а надо быть художником, уподобляясь в своем творчестве самому Богу. В эту эпоху культура выходит из-под опеки церкви, начинается триумфальное развитие светского искусства (живописи, архитектуры, музыки, театра, литературы); закладываются предпосылки науки Нового времени,

на которой базируются все достижения современной цивилизации.

Культуре Ренессанса посвящено множество книг отечественных авторов, и еще больше — зарубежных исследователей, причем, большая часть наследия переведена на русский язык, что делает культуру Возрождения вполне доступной для изучения любым россиянином.

Пожалуй, самым общим тезисом всех научных трудов, посвященных эпохе Ренессанса, будет тот, что Возрождение, рассматриваемое в качестве исторической эпохи или особого мироощущения, тенденции развития культуры и ее повторяемости или опоры на прошлые ориентиры, всегда есть предание человеческой жизни «вихревого движения», как называл это А. Блок, попытка постижения нового и поиск иных, нежели утвержденных, способов и форм этого постижения.

Каждый народ, подчеркнет историк А.И. Чернокозов, «в своем историческом развитии переживает эпоху, когда после длительного упадка расцветают его экономика и культура. Феномен переходной эпохи как независимой фазы культурного процесса — это общая историческая закономерность, которую переживают многие народы в разные исторические периоды» [1]. Закономерность, определяющая развитие культуры и воспринимаемая самой культурой как естественный механизм ее изменения.

Наверное, не будет лишним вспомнить размышления И.Г. Гердера, утверждавшего, что «...история свидетельствует о том, что развитие культуры — вовсе не прямая линия, в ней имеются повороты, обрывы и уступы. Человеческие страсти превращают ее спокойное течение в водопад, уносящий жизни людей... Но она обладает необычайным запасом прочности и устойчивости. Под каким бы углом ни поворачивал поток, культура не «уйдет в песок», не истощится и не исчезнет» [2].

Сама история в таком контексте будет мыслиться как «осуществляемая в виде (в форме) сменяющих друг друга культур». При этом культура будет пониматься в качестве своеобразных узлов и форм, в которых, по мнению В.М. Розина, «процессы эволюции и истории приобретают константный

однородный характер» [3]. Так, на мой взгляд, и рождается понятие концепта «возрождение», долженствующего быть рассмотренным не столько как историческая эпоха, сколько как модель исторической динамики бытия культуры.

Концепт «возрождение» в такой реализации закономерно соединит как прогрессивные элементы гуманизма и антропоцентризма, так и теологическую предрасположенность в решении сакраментального вопроса культуры: кто есть человек как со-творец Мира — Вселенной — Социума?

Таким образом, в качестве культурно-обусловленных представлений о культуре концепт «возрождение» всегда будет знаменовать собой «рубеж», «кризис», за которым обязательно следуют или его преодоление, или полное и безоговорочное низвержение предшествующих культурных установок.

В подобном понимании концепт «возрождение» должен быть осмыслен как естественный механизм культурного изменения. И наблюдения в области развития культуры приведут к изучению вертикали ее изменений, когда вертикаль будет пониматься как «открытие новых форм культуры», «квинт-эссенция творчески-продуктивного начала», «процесс временного развертывания культуры, ее исторический характер, принцип преемственности, переход предшествующих культурных форм или элементов в новые культурные образования» [3, с. 37-38].

Концепт «возрождение» — это естественный механизм возобновления тех или иных культурных явлений. При этом любая эпоха перемен для каждого народа есть переход от устоявшегося к неведомому — время трагических и часто кровавых событий, участниками и жертвами которых становятся прежде всего носители культуры (сам народ). Сквозь эти трагические реалии все же пробивались ростки нового, так или иначе связанные с идеями Возрождения, глубоко и ярко осветившими Европу.

Как отмечают историки культуры и культурологи, в специфике развития государства российского можно было выделить несколько переходных этапов (рубежей), основой постижения которых служила центральная идея возводимой культуры. Идеи концепта «возрождение» — религиозные, просвети-

тельские, человекотворческие — можно заметить во время становления Московского государства, Петровских преобразований и, конечно же, на рубеже XIX–XX вв. Обратимся в обозначенной последовательности лишь к трем рубежным периодам нашей истории.

Рубеж первый. Следует подчеркнуть, что ко времени освобождения Руси от татаро-монгольских завоевателей произошло несколько важных событий, определивших дальнейшее развитие Руси и ее культуры. Что бы там ни говорили некоторые историки вроде Л.Н. Гумилева о чуть ли не благе власти Золотой Орды для России, я все же склонен считать, что татаро-монгольское иго стало трагическим испытанием для Руси, которая не только утратила государственную самостоятельность, но и была более 300 лет насильственно изолирована от мира. Как справедливо отмечают многие исследователи, «во многих районах Руси культурные достижения были полностью уничтожены, в других — не могли развиваться» [4].

При этом я всецело поддерживаю вывод отечественного культуролога Л.А. Рапацкой о том, что «подлинной трагедией в нашей истории стало ордынское нашествие, затормозившее развитие русского народа на несколько веков... Русской художественной культуре (не говоря о других потерях) был нанесен смертельный удар... Киевская Русь завершила свое развитие... Многие летописи XIII века рассказывают о том почти мистическом ужасе, что охватил русскую землю с набегами ордынцев» [5].

«Первые 50 лет, — вторит ей другой российский культуролог А.И. Кравченко, — после вторжения Орды русская культура переживала нечто вроде культурного шока... Духовное сознание народа того времени можно назвать катастрофическим, иноземное вторжение и массовая резня воспринимались как наказание за грехи» [6].

За долгие годы зависимости, перейдя со страниц ученых книжников и летописцев в реальные отношения князей, родилась идея объединения русских княжеств, которая впоследствии и привела к образованию единого государства. Вот почему борьба с татаро-монгольским игом рассматривалось не только как национальная, но и как религиозная задача. Религия послужила тем консо-

лидирующим государственным толчком, способствующим идее сближения и поиска политического компромисса. Именно эта идея была так близка Д.С. Лихачеву, писавшему: «...В месте сбора русских войск в Коломне на пути их против Мамаея предварительно воздвигается самый крупный из всех русских храмов того времени — Успенский. Тем самым походом русских войск придавался религиозный характер» [7].

Начало же действия механизма *возрождения* русской культуры связывается многими исследователями с отдаленными северными землями и, в частности, с *Новгородским княжеством*. Именно здесь, на бастионе русской культуры, утвердился укрепление политической и финансовой самостоятельности, определится центр развития русского зодчества: появится первое каменное строение — церковь Никола на Липне (1242 г.), обретет свой уникальный стиль культовое монументальное строительство церкви Спаса на Ковалеве (1345 г.), церкви Спаса Преображения на Ильине улице (1374 г.); церкви св. Федора Стратилата на Ручье (1361 г.). Достигнут своего расцвета иконописная традиция, музыкальное искусство, устное музыкальное творчество, былинный эпос, хоровое пение, искусство колокольного звона.

С Новгородом, а позднее с Москвой, многие русские художники, иконописцы, мастера будут связывать представление о высокой духовной культуре, о возможности реализовать творческие задумки. Имена, возникшие в тот период времени, навсегда останутся в истории русской культуры как вершины мастерства и художественного воплощения творческой идеи формально временного средневековья: Феофан Грек, Дионисий, Андрей Рублев.

Образность их икон и фресок явилась воплощением идеала эпохи, прекрасно соединившего духовную чистоту и человеческую чувственность. Уже «...во фресках проглядывают и чисто русское благодушие, и неожиданная жизнерадостность. Все это позволяет говорить о рождении самобытных новгородских художников, приносящих в свое искусство мягкость, человечность, духовную благодать» [8]. И этот идеал будет соответствовать не только национальным христианским канонам, но и представлению о высо-

ком (почти ренессансном) предназначении человека, призванного всей своей жизнью подтвердить право на существование в любви к Родине, родной земле, почитании святых и христианской веры, соблюдении Божьих заповедей, любви к семье и понимании себя как части рода.

Появление централизованного государства, его борьба против Золотой Орды, окончательно сломленной в 1380 году (хотя еще долгое время приходилось обороняться и от экспансии ее «обломков» — Крымского, Астраханского и Казанского ханств, и от агрессивных крестоносцев с Запада), способствовали формированию русской (великорусской) народности, выработке ее особой ментальности, новых традиций, нового образа жизни. И в этой новизне, так сказать, в отличии от эпохи предшествующей, уже видятся зачатки Возрождения, видится элемент динамики развития культуры, ее очевидный взрыв и переход от количественного накопления характеристик к качественно-содержательному рывку.

Московское государство стало наследником Северо-Восточной Руси. Культура этого нового государственного образования, как отмечают исследователи, отличалась опорой на византийское (античное) наследие, которое было немыслимо без духовной опоры, связанной не столько с официальным перенесением при Иване Калите кафедры митрополита «всех Руси» в Москву, сколько с общей тенденцией развития подвижничества, пестовавшего и хранившего сам дух святости, высшей формой выражения которой стал Сергей Радонежский.

«Пятьдесят лет, — писал В.О. Ключевский, — делал свое дело преподобный Сергей в Радонежской пустыне; целые полвека приходившие к нему люди вместе с водой из его источника черпали в его пустыне утешение и ободрение и, воротясь в свой круг, по каплям делились ими с другими...» [9]. Сергей Радонежский стал предвестником нового времени, когда, по словам А.И. Кравченко, «восстанавливалось мирное течение жизни», появлялись люди, «задумавшиеся о милосердии и спасении» [6, с.403]. А во второй четверти XIV в. последователи Сергея уже образуют целое направление русской

духовной жизни — новое подвижничество пустынножителей (скитское иночество).

Идея русского Возрождения как бы витала в воздухе, что дало основание современникам чувствовать, а потомкам — фиксировать обновление жизни, последовавшее после ордынского ига. «...Татаро-монгольское нашествие, — заключит А.И. Кравченко, — не сломало творческого духа русского народа. Подъем национального самосознания после Куликовской битвы проявился в огромном интересе к историческому, культурному наследию Древней Руси. Он способствовал развитию лучших его традиций и созданию новых культурных памятников. Не случайно культуру XV–XVI вв. специалисты иногда называют «русским Возрождением» [6, с. 411].

Своеобразное действие концепта «возрождение» после периода иноземного ига нашло и более поэтическое сравнение в исследовательской литературе. «Русь часто сравнивают со сказочной птицей Фениксом, — пишет историк Н.И. Костомаров, — способной вновь и вновь возрождаться из пепла. Однако многим погибшим во время ордынского нашествия городам так и не суждено было возродиться» [10].

Именно это сложнейшее для русской государственности время будет обозначено в науке как Предвозрождение (Д.С. Лихачев, К.Г. Вагнер, Л.А. Рапацкая), поскольку искусство Московской Руси вызовет ассоциации с произведениями итальянского Дученно — Проторенессанса, Предвозрождения. Хотя, как отмечает Д.С. Лихачев, общее «движение к человеку», которое характеризует собой и Предвозрождение, и Возрождение, не освободилось еще от своей религиозной оболочки» [11]. Все религиозные движения и ереси, в значительной мере отражавшие изменения в представлениях о месте человека в мире, были связаны с изменениями в обществе после освобождения от монгольского нашествия.

Время столь разительных изменений и борьбы за собственную свободу несло в себе утверждение светского начала в жизни субъекта культуры. С одной стороны, по мнению Д.С. Лихачева, церковь играла важную роль «духовного наставника и защитника в период татаро-монгольского ига» [11]. А с другой

стороны — лозунгами утверждения светского начала, считают исследователи, можно рассматривать различные еретические учения.

Борьба России с иноземным владычеством отразилась и на новом понимании человека эпохи: она возвысила роль личного героизма и подвижничества. Примером может служить огромное количество летописных повестей и сказаний XIV–XV вв., посвященных борьбе Руси с золотоордынским игом. Среди них «Сказание о Мамаевом побоище», произведение рязанского священника Софония «Задонщина», былины о Василии Буслаеве и Садко, о Евпатии Коловрате и Меркурии, народные поэтические исторические песни — «Песня о Щелкане», отражающая события народного восстания в Твери в 1327 г., повести о битве на Калке, «Сказание о граде Китеже» и др. Патриотический подъем и творческое вдохновение — вот две характеристики этого периода.

Новый взгляд на человека и его место в мире породил новый стиль в разных видах искусства. Это был экспрессивный стиль, насыщенный сильными страстями, крайностями, в которых добро и зло взаимно исключали друг друга. Лишь несколько примеров являются для нас подтверждением этой священной мысли о человеке. И, прежде всего, они коснутся деканонизирующих процессов в жанрах искусства и центральных векторов развития культуры в целом.

В литературе этого периода появились и утвердились светские направления, например, историко-бытовая повесть, переводной роман, былина. Наравне с описанием социально-бытового контекста миру явится человек с его переживаниями, сомнениями и поисками. В живописи как одна из центральных зазвучит тема светской жизни с историческими сюжетами и бытовыми подробностями.

Не случайно «модификацией Предвозрождения» назовет искусствовед Г.К. Вагнер последующую «монологически-назидательную художественную культуру Руси XVI века», многолико представленную художественной публицистикой (Иосиф Волоцкий, Нил Сорский, Максим Грек, Иван Грозный, князь Курбский), первыми нравственно-строительными произведениями («Домо-

строй») и государственным идеологическим документом «Стоглав» [12].

И даже в иконописных аллегориях человек проявится своим естеством в пороках и грехах. Икона заявит своим основанием «самомышление», а сюжеты, подобные тем, что в росписях и миниатюре закрепят своеобразное изображение природного мира, станут близкими к идеальному.

Затем явится миру знаменитая «Троица» Андрея Рублева, воспринимаемая и по сей день не только как явственное выражение «золотого века» русской иконописи, но и как самый одухотворенный и «очеловеченный» рассказ о христианском чуде устами смертного.

Последним, но, может быть, самым музыкальным аккордом великой иконописной симфонии, созданной мастерами русского Предвозрождения, стало искусство Дионисия, достойно продолжившего, вслед за Рублевым, традиции «мистического реализма».

Отдельного упоминания заслуживает зодчество этого периода, поскольку ряд искусствоведов справедливо считают, что зримый образ новой художественной культуры был создан именно зодчими. Во время формирования нового архитектурного стиля (XIV–XV вв.) были заново отстроены монастыри, сохранившиеся до наших дней.

Среди них собор Успения Богородицы на Городке в Звенигороде, Троицкий собор в Троице-Сергиевом монастыре, Спасский собор в Андрониковом монастыре, белокаменный Успенский собор Московского Кремля, ренессансная интерпретация храма Успения Богородицы во Владимире XII века, собор Благовещения и церковь Ризоположения (Ризоположения), появление архитектурных ансамблей Соборной площади и т. д.

Новаторство эпохи полностью проявится в самом способе передачи воспринимаемого, когда произведения искусства гармонично соединяли народное, профессиональное и церковное искусство, мудрую простоту, художественную выразительность и высокую духовность, сопрягаемую с религиозным озарением.

Национальное начало русской художественной культуры, так ярко проявившееся в стремлении постичь внутренний мир человека, его чувства, безусловно, выразилось в

эмоционально-экспрессивном строе повествования, в пока еще робкой символичности, «абстрактном психологизме», в том сонме образов эпохи, соединивших и типизировавших в себе единые черты мужества, смелости, преданности, патриотизма и взаимовыручки.

Идея возрождения величия России в рамках реализации концепта выразилась и в глубоко идеологическом плане. Как ни парадоксально это звучит, но проявилось подобное утверждение в главной идее того времени — идее старца Псково-Печерского монастыря Филофея, который назвал Москву «третьим Римом». Этот, в сущности, теоретический постулат фактически утверждал, что Москва величием своего православного духа являет собой не только центр всего христианского мира, достойную наследницу Византии. В эпоху Предвозрождения Русь стала осознавать себя монолитной державой с духовной миссией «третьего Рима». А укрепление новой российской государственности лишь способствовало расцвету художественной культуры.

Яркие личности проявили себя во всех видах храмового искусства. Епифаний Премудрый и Андрей Рублев, Дионисий и Федор Христианин, Барма Постник и Василий (Варлаам) Рогов — древнерусское искусство Предвозрождения стало кульминацией и одновременно мощным заключительным аккордом развития средневекового храмового искусства — литературы, зодчества, иконописи и музыки.

Из подобных утверждений можно заключить, что в художественной культуре Московской Руси, хотя и не было условий для действительного эпохального Возрождения, но отдельные детали развития русской культуры в рамках действия концепта «возрождение», безусловно, состоялись. Эти сегменты культуры в сравнении с предшествующими периодами были разительно на них не похожи не только по форме, но и по содержанию, и, что самое важное, отличаясь явно *гуманистическим* направлением, а гуманизм, как известно «родимое пятно» европейского Ренессанса.

Конечно, период тотальной секуляризации на Руси тогда еще не начался, но общий подъем национального самосознания,

строительство нового государства вызвали к жизни интерес к истокам, к «русской античности», как можно назвать идеализированный образ старины, Киевской Руси... Киевская Русь была преемницей Византии, а византийское искусство возникло на развалинах античности, оно творчески переработало античные традиции.

В этой связи справедлива мысль А.И. Чернокозова о том, что «процесс становления древнерусской культуры не был процессом простого поступательного движения. Он включал в себя взлеты и падения, периоды длительного застоя, упадка и культурных прорывов. Но в целом эта эпоха представляет собой культурный пласт, определивший последующее развитие всей русской культуры» [13].

Рубеж второй. Российская государственность, определявшая практически все стороны жизни общества, определила и следующую этап закономерного действия концепта «возрождение» в развитии России — *Петровский*. Как писал Сергей Булгаков, «Россия на ужасы татарского ига ответила солнечным явлением преподобного Сергия и всей этой Сергиевской эпохой русской культуры, а в ответ на Смутное время явилась петровская Россия со всею нашей новой культурой» [14].

Реформы петровского времени коренным образом меняли всю систему общественного устройства, были объективно необходимыми и отчасти предсказуемыми, но вместе с тем, как справедливо указывает ряд исследователей, могли быть восприняты и как очень личностные, субъективно предопределенные и ориентированные, построенные на основе личного восприятия и понимания. «Следует особо подчеркнуть, — заявляет культуролог В.В. Касьянов, — что, несмотря на объективную необходимость реформ вообще и в культуре в частности, они проводились на субъективной основе, всецело зависели от личных впечатлений, знаний и их понимания самим государем — Петром Великим» [15].

С одной стороны, отмечают исследователи, XVII в. также стал началом переходного пути, отличным от предыдущего хотя бы в государственном устройстве, характеризующимся насильственным разрывом своей

изоляции и стремлением сближения с Западом. В этот период Россия обрела не только самодержавное величие, но и имперский лоск, еще более приблизив тип своей политической системы к византийскому. Вместе с тем период реформ этого времени был тяжелым для общества в целом, отразившись на духовной и художественной жизни.

С другой стороны, по убеждению ряда современных российских историков, «культура стала западной по своему внешнему выражению, по представленности и по претензии, но осталась неискоренимо восточной по своему существу [16]. «Народ, назначением которого было — в течение поколений жить вне истории, — пишет О. Шпенглер, — был искусственно принужден к неподлинной истории, дух которой для исконно русской сущности был просто-напросто непонятен» [17].

Сложная эпоха петровского реформирования привлекает исследователей, прежде всего, в оценке новаторств и новшеств, вводимых в повседневную жизнь. Но стоит отметить, что отказ от ценностей прошлых столетий зачастую носил внешний характер, поскольку центральным девизом приходящей эпохи станет: «Прав тот, кто нарушает правила». И первым, кто нарушал многовековые правила и традиции своего народа, был, как принято считать, сам Петр.

Однако, как отмечал Л.Н. Гумилев, «...на самом же деле все обстояло не совсем так, а вернее, совсем не так. Несмотря на все декоративные новшества, которые ввел Петр, вернувшись из Голландии: бритве, курение табака, ношение немецкого платья, — никто из современников не воспринимал его как нарушителя традиций. Как мы уже убедились, традиции у нас на Руси любили нарушать и нарушали все время — и Иван III, и Иван Грозный, и Алексей Михайлович с Никоном приносили значительные новшества. Контакты с Западной Европой у России никогда не прерывались, начиная, по крайней мере, с Ивана III... Русские люди XVIII века, даже одетые в кафтаны и парики, оставались самими собой» [18].

Почти созвучное высказывание принадлежит и нашему современнику А.В. Лубскому, который подчеркнул, что реформы Пет-

ра I были обусловлены кризисом Московского государства с одной стороны и сменой культурной модели — с другой. «Однако, — отмечает исследователь, — российский культурный архетип оказался настолько сильным и устойчивым, что попытка включить «русское азиатское своеобразие» закончилась тем, что петровская «вестеризация» по целям и форме стала глубочайшей «антивестеризацией» по сути, а «революционер» и западник Петр I оказался охранителем и традиционалистом» [19].

Эпоха Петра так и не сняла центрального противоречия, уже рожденного русской культурой: коллизии между общественно-историческим развитием государства, культурным развитием носителей культуры и теми идеалами, которые были не столько восприняты извне, сколько сформированы внутри культуры. И, прежде всего, идеал свободы: общественной, общенародной, личностной. В политическом, нравственном, эстетическом, творческом смысле.

Как отмечал И.В. Кондаков, «противоречие между идеалом универсального государства как самоцели общественно-исторического и культурного развития (Империи) и идеалами свободы — от стихийной Воли до узаконенной демократии (свободы, различно понятой и выраженной, свободы в политическом и нравственном, эстетическом смысле, индивидуальности, творческой и самобытной личности) оказывается сквозным фактором русской культуры на протяжении многих веков — фактически с XVI века» [20].

Между тем эта центральная тема не только культуры, но и русской жизни, будет заявлена, но по-иному решена уже в век перемен. Но при этом бинарное начало по-прежнему останется довлеющим. Духовная жизнь на Руси всегда двигалась несколькими путями.

Особенно явственно новое мироощущение проявилось в искусстве, где одни в экспрессивной, другие — в сдержанной манере воспевали глубокий и богатый внутренний мир незаурядного человека. И снова выразится, но уже в ином варианте, генеральная линия концепта «возрождение» — как *гуманистическое мировоззрение*. Теперь важность

подобного изображения сводилась к образному воссозданию человека-гражданина, государственного деятеля, чья жизненная позиция определяла положение вещей.

Очевидным остается тот факт, что культура становится еще более светской, причудливо совмещающей черты «европейской государственности, византийской религиозности и восточной социальности».

Человек становится не только центральным объектом изображения, но, согласно содержательной стороне концепта «возрождение», субъектом творческого акта. Особенно ярко подобная тенденция проявилась в живописи. Портретная живопись, освобождаясь от влияния условностей и схематизма, начинает передавать внутреннее состояние человека.

Наблюдения над особенностями развития русской культуры приводят к логичному выводу. С одной стороны, Петр I действительно положил начало «русской европейскости», но с другой стороны, именно в эпоху Петра выкристаллизовались центральные проблемы общества, возникли вновь проблемы общественного (гражданского) и нравственного развития, была осуществлена попытка их разрешения. Вместе с тем, такое противоречие человеческого и государственного в нем (Петре) лично не могло не сказаться на ходе, особенностях и результатах реформ. Его политика европеизации культуры принесла колоссальные выгоды России, но она вместе с тем поделила единую культуру россиян на европейскую у дворянства и патриархально-русскую — у большинства населения.

В-третьих. Третий этап проявления концепта «возрождение» — рубеж XIX — начала XX в. Время, называемое «бурной эпохой грани веков», Серебряным веком, который, на мой взгляд, есть все основания считать собственно русским духовно-культурным Ренессансом. Период, в который человек предстает лицом ни перед историей или государством, а перед Вечностью.

В русской истории XIX век — это период неизмеримо интенсивного развития самосознания общества, который отличался стремлением философски осмыслить все явления действительности. Философия ста-

ла неотъемлемой частью духовной жизни русского общества того времени, вошла в плоть и кровь его культуры. Рубеж же веков и начало нового XX в. — это новая страница в развитии русской культуры, основанная на возвращении к истокам.

Вместе с тем «мы, — пишет современник того века Н.А. Бердяев, — живем в эпоху, аналогичную эпохе гибели античного мира! Тогда был закат культуры несоизмеримо более высокой, чем культура Нового времени, чем цивилизация XIX века» [21]. Однако другой классик Серебряного века, В.Я. Брюсов назовет это временем, когда каждый миг призван сделаться «"великим трепетом" от ощущения восторга и ужаса от попытки проникновения в вечные тайны Бытия, когда творческий дух балансирует между вечными антиномиями существования — жизнью и смертью культур».

История культуры России, таким образом, есть практическое подтверждение не только действия концепта «возрождение» во всех возможных его вариантах, но и Возрождения (Ренессанса) как вполне определенного исторического факта, отрицать который довольно проблематично.

Это Возрождение являло собой эпоху единения физического (восстановление жизненных сил, едва теплившихся после ордынского колониального засилья), содержательного (заложение основ светского мировоззрения с центрирующим началом на человеке творческом, способном к свершениям, деятельном), духовного, или религиозно-духовного (прикованное внимание к человеку, когда будет важен уже не ответ на вопрос «кто?», а понимание «почему?»), начала.

Все это позволяет сделать вывод о том, что каждый раз Россия будет обретать новое рождение, основанное на обращении к истокам своего развития, к тем жизненным универсалиям, которые составят систему координат ее развития.

И, хотя яркий представитель духовно-религиозного ренессанса Н.А. Бердяев стал бы отвергать столь узкую трактовку последнего периода, но не признавать наличия в России гуманизма, хотя бы в русской литературе, театральном искусстве и живописи, было бы неверно.

В заключение уместно подчеркнуть, что начало XX в. заложило основание для действительных поисков ответов на вопросы, традиционно связанные с *бытием человека*. В пространстве XXI в. сохранение русской культуры как конгломерата истинной духовности и гуманизма — одна из важнейших задач современности, решение которой связано не только с земной надеждой, но и с космической перспективой человечества.

Литература

1. Чернокозов А.И. История мировой культуры (Краткий курс). Ростов-н/Д. 1997. С. 93.
2. Гердер И.Г. Идеи философии истории человечества. М., 1977. С. 78.
3. Розин В.М. Культурология. М., 2004. С. 222.
4. Чернокозов А.И. История. С. 197.
5. Рапацкая Л.А. История художественной культуры России (от древних времен до конца XIX века). М., 2008. С. 46.
6. Кравченко А.И. Культурология. М., 2002. С. 403.
7. Лихачев Д.С. Человек в литературе Древней Руси: избр. работы: в 3 т. Л., 1987. Т. 3. С. 92.
8. Рапацкая Л.А. История художественной культуры. России С. 56.
9. Ключевский В.О. Исторические портреты: деятели исторической мысли. М. 2002. С. 72.
10. Костомаров Н.И. Исторические монографии и исследования. М., 1995. С. 116.
11. Лихачев Д.С. Указ произ. С. 123.
12. Культурология, эстетика, искусствоведение: Словарь-справочник. Ростов/н Д., 1997. С. 97.
13. Чернокозов А.И. История. С. 201.
14. Булгаков С.Н. Героизм и подвижничество // Вехи. Интеллигенция в России. М., 1991. С. 74.
15. Касьянов В.В. Культурология. Ростов-на-Д., 2010. С. 394.
16. Чернокозов А.И. История. С. 202.
17. Шпенглер О. Закат Европы: очерки морфологии мировой культуры. М., 1993. С. 315.
18. Гумилев Л.Н. От Руси к Руси: очерки этнической истории. М., 1992. С. 287.
19. Драч Г.В. Культурология. Ростов н/Д., 2000. С. 383.
20. Кондаков И.В. Введение в историю русской культуры. М., 1997. С. 145.
21. Бердяев Н.А. Новое средневековье // Вестник высшей школы. 1991. № 2. С. 95.